

И. И. Подчаский.
Усадьба
Введенское. Вид
с берега реки.
Акварель.
1818

Введенское

Г. Лукомский

Император Павел I подарил «Введенское» фаворитке своей Лопухиной. Далее, после Зарецких, имение перешло к Головиным, от них к барону Штакельбергу, и уже от него «Введенское» купил В. И. Якунчиков, владевший усадьбой до 1884 года. Он продал его графу С. Д. Шереметеву, который и дал усадьбу в приданое дочери своей, вышедшей замуж за графа Гудовича.

«Введенскому» обязана своим художественным воспитанием одна из симпатичнейших русских художниц М. В. Якунчикова, дочь бывшего владельца усадьбы.

В № 3 «Мира искусства» за 1904 год находим несколько следующих строк по поводу пребывания в этой усадьбе М. В. Якунчиковой, умершей в 1903 году:

«...Зиму Якунчикова проводила в городе, а по летам уезжала в подмосковное имение «Введенское» Звенигородского уезда. «Введенское» играет большую роль в жизни Марии Васильевны, и влияние его отразилось и на ее характере, и на направлении ее художественного развития. По местоположению и по величественности усадьбы это одно из самых красивых имений в Московской губернии. Вековая березовая аллея ведет к обширному двору, в глубине которого возвышается грандиозный двухэтажный с колоннами дом-дворец эпохи императора Павла. Дом стоит на высоком берегу Москвы-реки, и с величественной западной террасы с коринфскими колоннами открывается дивный вид на долину реки. В глубине, направо, на нагорном берегу виднеется живописно расположенный

городок Звенигород. Прямо на высокой горе, среди соснового бора — древний звенигородский одноглавый собор XII века. Налево из-за густого векового леса высятся главы Савво-Сторожевского монастыря.

Когда по субботам вечером, во время тихого заката, вдруг раздавался мерный глубоководный гул колокола из Саввинского монастыря, даже дети, сидя на террасе, стихали, проникаясь этой гармонией звука с природой... Внутри введенский дом сохранил типичный характер эпохи. Высокие большие залы, из них одна огромная с колоннами — театральная; мебель Людовика XVI; по стенам зеркала и портреты в напудренных париках. Это соединение благородно-чопорной внутренней обстановки с возвышающей красотой природы держало впечатлительного ребенка всегда в каком-то приподнятом настроении и развивало в нем вдумчивость, чутье красоты и уважения к прошлому... Благодаря отдаленности от столицы крестьяне сохранили патриархальные отношения к помещикам и продолжали идти на барский двор со всеми своими нуждами и заботами. Дети часто ходили в соседние, живописно расположенные по маленьким речкам, деревни».

Все эти впечатления и сделали М. В. Якунчикову впоследствии, как сказал С. П. Дягилев, «поэтом русских лесных лужаек, сельского кладбища, монастырских кладбищ и деревенского крылечка».

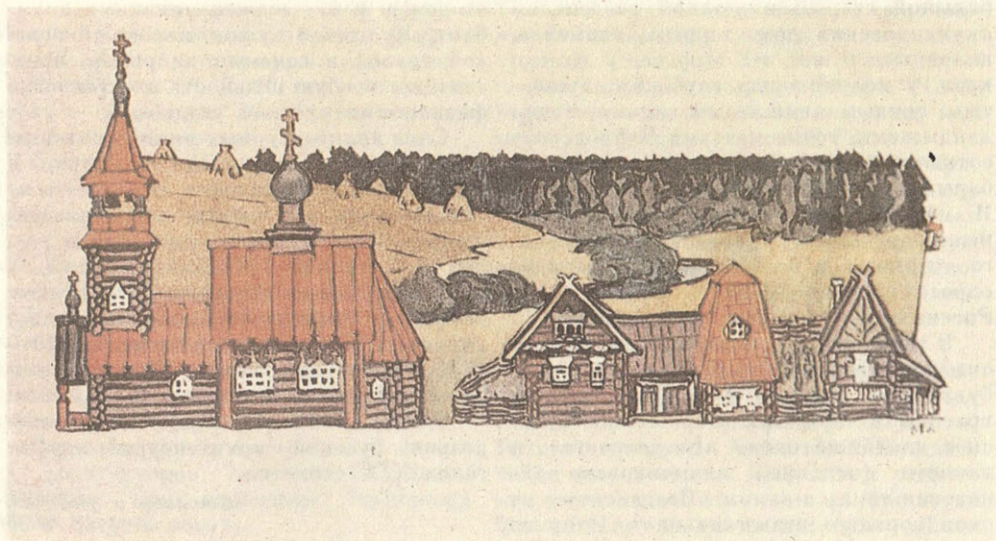
Из другой статьи — «Звенигородский уезд» неизвестного автора (Юрия Череды), помещенной в № 5 «Мира искусства» за 1904 год, узнаем еще более интересные подробности о жизни в «Введенском», о том значении, которое имело оно

для П. И. Чайковского, А. П. Чехова, для М. В. Якунчиковой.

«...Прожить год в Туле, в Звенигороде, может быть, бесконечно важнее, многообразнее, трепетнее, чем целую жизнь объезжать весь мир, весь земной шар. Про Чехова написали раз, что для него весь мир провинции, вернее сказать: для него провинция — весь мир. В этой-

М. В. Якунчикова С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря. 1891

М. В. Якунчикова. Деревня. Акварель. 1899

Введенское.
Вид главного
дома.
Архитектор
Н. А. Львов.
Конец
XVIII — начало
XIX в.

то оригинальности, в этой любви, когда Звенигород — весь мир, и есть что-то вдохновенное, национальное и вместе с тем бесконечное, вечное».

По поводу зарождения музыкальных симфоний и вообще содержания музыки Чайковского Юрий Черета пишет: «И оттого-то не поняли Чайковского учителя и наставники его, а угадали впервые кузины, оттого-то и теперь несравненно трепетнее он для последней гимназистки, чем для настоящих ученых знатоков и музыкантов... И чем вдохновеннее, тем безмузыкальнее; а иногда совсем уж почти и звуков нет, и только ландыш, и только звукорасветный заросший листок, дорога через мост... потом поворачивает направо в лес, потом опять промелькнет сквозь деревья, а дальше флигель, крылечко и перила... и наконец уж большой старый и детский введенский якунчиковский дом, терраса, скамейка, колонны... и вот на террасе, у самого края, у колонны над глубоким, душистым, сочным «вишневым садом», точно ландышами, точно мечтами Чайковского сотканная, склонившаяся тихо, русская барышня, Машенька, мечтательница. И может быть, более русского, более нежно русского, окончательно русского — никогда и не было ничего, да и не спросит никто большего, ибо удел России — в последнем слове любви...

В такие тихие осенние или летние дни она пишет и крылечко, и колокола, и пробудившее с детства в ее душе чувство красоты и гармонии заброшенное сельское кладбище около «Введенского», и наконец (основная якунчиковско-чайковская тема) в самом «Введенском» из окон верхнего этажа на даль. Одну ее

картину можно назвать «думой». Но в чем же дума ее из верхнего «летнего окошка», из-за кисейной приспущенной шторы, с широкой душистой введенской террасы? Может быть, просто любителю она живописно расположенный на том берегу городок Звенигород? Словом, в «Введенском» синтез творчества Якунчиковой, Чайковского, Чехова. Здесь их сюжеты, краски, тона, мотивы. «Введенское» — типичнейшее зеркало души века, быта русского»...

Фасад со стороны подъезда представляется в виде длинного ряда одноэтажных зданий, в центре которого двухэтажный дом. Он украшен прелестной породиою из четырех колонн и двух пилястров по краям. К дому примыкают два крыла, соединяющиеся колоннадою, теперь застекленною. Газон перед домом ничем не огорожен и не засажен никакими клумбами. Чудесный лужок, поросший полевой травой в сенокос, например, представляет особую цельность и «крепость» физиономии русской усадьбы.

Сила архитектурных линий дома указывает на незаурядного мастера, и невольно на ум приходит имя одного из славных ранних зодчих эпохи классицизма — Львова, строившего много усадеб в Тверской губернии, Старова, а может, и самого Гваренги. Во всяком случае, в характере зодчества ничего типичного для московских зодчих 1810—1820-х годов нет. Это не Жиллярди, тем более отнюдь не Казаков и не Баженов.

В общем, «Введенское» — один из шедевров русской архитектуры первых годов XIX столетия.

*«Столица и усадьба»,
1916, № 59*